

представление об исторической действительности. Но эта пышная и пестрая декорация служит ему лишь для того, чтобы на ее ярком фоне развернуть трагедию, имеющую совсем не бытовой характер.

Определеннее всего это стремление художника воплощено в центральном образе романа — в Зюссе. Автор рисует этого рыцаря капиталистической экспансии совсем не как конкретную историческую фигуру, а как некий полумистический сверхреальный образ. Самые причудливые линии скрещиваются здесь. В большом капиталистическом хищнике художник рассмотрел черты смягченного правдоискателя-страстотерпца, охваченного мечтою о «граде невидимом». Вся книга получает привкус своеобразного «исторического мистицизма». Конкретные очертания исторического быта переплетаются здесь с порывами и устремлениями явно кликушеского характера. Этот исторический роман является типичным продуктом мещанского искусства. Мы имеем в нем своеобразный отголосок экспрессионизма, выражавшего настроения немецкого мещанства в эпоху жесточайшего кризиса. Теперь, в условиях стабилизации, возникают новые варианты, несколько смягченные, но выражающие в сущности тот же пессимизм мелкобуржуазного класса, теснимого капиталистической действительностью.

Роман Фейхтвангера не одинок. Почти одновременно с ним в Германии появился несколько менее прославившийся, но столь же любопытный роман Альфреда Неймана «Дьявол». По своим устремлениям этот роман совершенно сходен с «Зюссом». Взята несколько более ранняя историческая эпоха (Людовик XII и его шут-министр Оливер Неккер) и обработана в тех же характерных тонах «исторического мистицизма», как роман Фейхтвангера. Дело доходит до того, что целый ряд сцен совпадает почти дословно. (Особенно поразительно совпадение эпизодов казни Зюсса и Оливера — можно было бы переставить эти эпизоды из одного романа в другой.) Речь здесь идет конечно не о плагиате, а только о поразительном единстве мирозерцания. Исторический роман в современной Германии становится формой демонстрации мещанской неудовлетворенности, свидетельством о смятении мелкобуржуазного класса пред лицом капиталистической действительности. Здесь — почва «исторического мистицизма», которым пробаваются не только Фейхтвангер и Нейман.

Марсель Руфф. «ЗАДУШЕННЫЕ». Роман. Изд. «Федерация».

М. Руфф в серии романов пытается набросать широкую картину нравов

послевоенной Франции. «На набережной Вильсона» рисует чаяния, возлагавшиеся многими на Лигу наций, и разоблачает всю цепь политических интриг, финансовых и промышленных комбинаций, для которых эта «всемирная говорильня» является ширмой. В «Удушенных» автор вводит нас в жизнь разоренных инфляцией мелких и средних буржуа, чиновничества и интеллигенции Франции, людей, выжитых из насиженных мест, стремящихся в Париж в поисках заработка и обреченных там на жалкое существование. Параллельно с этим рисуется быт разбогатевших крестьян, этих «новых хозяев» Франции. Бедность иобразительных средств и отсутствие социальной зоркости помешали Руффу дать яркую картину нравов. В романе отсутствуют положения, выявляющие индивидуальную и классовую сущность персонажей, контуры которых очерчены расплывчато. Отсутствие социальных прозрений, обилие горестных вздохов по адресу «удушенных» и заключительный утопически-филантропический монолог бывшего поборника идей Лиги наций, Моршо, который мечтает, разбогатев, построить «особый город», где нашлось бы место для всех «удушенных», — обесценивают то небольшое ценное, что в критическом плане заключено в этом произведении. Перевод исключительно неряшлив и халтурен. («Объем его тела увеличивался соразмерно с мечтой, которую он ласкал в своем страстном мозгу» — стр. 86, «Его глаз восторженного бойца... сделался холодным и жестоким» — там же).

«МЕСТЬ МОЛОДОГО МЭ». Роман из китайской жизни. Перевод с немецкого В. Цедербаума. Изд. «Федерация». «Нруг». М. 1929 г. Стр. 291. Ц. 1 р. 70 к.

Наш читатель совершенно незнаком с китайской литературой, одной из старейших литератур мира, и с этой точки зрения можно приветствовать появление рецензируемой книги.

Роман принадлежит неизвестному автору. В Китае до недавнего времени считалось недостойным подписываться под романами как произведениями низкого стиля. Д-р Франк Кун, который перевел этот роман с китайского на немецкий язык, относит его к XVI или XVII веку. И тем более замечательно, что роман затрагивает важнейшие вопросы политической жизни Китая. Произвол высших сановников, имевших неограниченную власть над страной, неизвестный автор показал с большой ясностью. Рядом он показал и те силы, которые боролись за свержение правящей клики и установление справедливости.

Роман читается очень легко, написан живо, интригуяюще и местами даже вол-